

ЭНТОНИ КАПЕЛЛА

МОНФОРТЕ ЛЮБОВЬ МОЯ

*...Я буду
вечно благодарен
тебе за то, что
нашел в себе силы
избежать любви.*

Энтони Капелла

Монфорте. Любовь моя

«Издательство Ольги Морозовой»

2015

УДК 821.133.111-3
ББК 84(4Вел)6-44

Капелла Э.

Монфорте. Любовь моя / Э. Капелла — «Издательство Ольги Морозовой», 2015

Италия, Пьемонт. 1970-е годы. Время гражданских протестов, сексуальной революции, расцвета итальянского кино. Но прелестный городок Монфорте живет словно вне времени, здесь царят традиции католической Италии. Поэтому появление магазинчика нижнего белья вызывает настоящий шок. Героиня романа, Натали, на каникулах устраивается в магазинчик продавщицей. Общение с его хозяйкой, Франческой, знакомство с миром гламура и кино заставляют ее задуматься о собственных принципах и заблуждениях. Что важнее в отношениях, чувства или страсть? Что надо ставить на первое место, выгоду или искренность? Первая любовь девушки оборачивается катастрофой – но ее затмевают еще более неожиданные события. В финале повзрослевшая Натали с нежностью вспоминает то лето и рассуждает о непостижимой природе любви.

УДК 821.133.111-3
ББК 84(4Вел)6-44

© Капелла Э., 2015
© Издательство Ольги
Морозовой, 2015

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Энтони Капелла

Монфорте. Любовь моя

Anthony Capella

UNDRESSING

THE LEMON PRESS

Перевод Ольги Терентьевой и Александры Финогеновой

Глава первая

Белая атласная сорочка на бретельках – одна из самых обычных моделей. Когда я беру ее с полки – осторожно, придерживая за края подола обеими руками, словно что-то очень ценное, – материал кажется мягким, как воск, и нежным, как лепестки роз. Я воображаю капли дождя, дрожащие на поверхности ткани, ведь она не пропускает влагу. Эдакие крошечные серебряные бусинки. Если скомкать ткань в руках, она скоро вновь расправится, медленно распустится в ладони, как цветок. А если зарыться в нее носом, она будет пахнуть свежестью и слегка – бумагой.

Но ни о том, чтобы утонуть в аромате, ни о том, чтобы скомкать ткань, конечно, и думать невозможно, ведь, совершая все эти действия, я чувствую на себе пристальный взгляд Франчески. Я позволяю себе эти шалости, лишь когда остаюсь здесь одна: я брожу от одной вещи у другой, словно зачарованная, провожу по ним рукой, ощущая разнообразие текстур: муслин и тюль, воздушные, как сахарная вата, толстая синель, прохладный шелк...

– Хорошо, – говорит Франческа, кивая.

Я сворачиваю сорочку, прокладываю листом папиросной бумаги, сворачиваю еще раз. Бумага чуть просвечивает, она похожа на матовое стекло, на мягкий серый кашемир. Все это необходимо, чтобы сорочка не помялась.

Затем я опускаю аккуратно сложенную сорочку на стопку ярко-бирюзовой плотной гофрированной бумаги; я беру шесть квадратных отрезков и запечатываю между собой наклейкой из переплетенных букв М и G – логотип магазина, который, как мне поведал Стефано, изготавливают на заказ в Милане. Если наклейку отделить, бумага не порвется.

Переворачивая упаковку, я проделываю то же самое четыре раза. И только когда сверток, утолщенный гофрированной бумагой, набирает ощутимый вес, напоминая завернутую мясником нарезку *prosciutto*, я осторожно кладу его в картонную коробку цвета слоновой кости. Закрываю крышкой, и она с мягким выдохом выпускает воздух, похожий на чуть слышный шепот. Я отрезаю длинную ленту, обвязываю коробку и делаю бант, а затем закручиваю кончики лезвиями ножниц. Наконец, я достаю из-под прилавка белый пакет и встряхиваю его – он расправляется с характерным хрустом. Уложив коробку в пакет, я с вежливой улыбкой протягиваю его Франческе.

– *Prego*, – произношу я официально.

– Хорошо, Натали, – отвечает она. – Может быть, многовато гофры, но в целом очень хорошо.

Она вынимает из пакета коробку и несколькими быстрыми движениями разворачивает ее, убирает бирюзовую гофру и добирается до сорочки. Она берет ее в руки, окидывает ее критическим взглядом, затем одобрительно кивает и, ловко свернув, возвращает товар на полку.

Я очень собой довольна. Мне всего лишь удалось свернуть атласную сорочку к вящему удовольствию начальницы, но мне хочется прыгать и кричать от радости.

Конечно же, ничего такого я не делаю. Мы поддерживаем в магазине атмосферу благопристойной таинственности.

Упаковка товара – это первое, чему я научилась, начав работать в Gavuzzo & Morelli. Выполнение этого, довольно нехитрого задания – впрочем, как и многих других – осложнялось тем, что Франческа была перфекционисткой и требовала, чтобы всё было доведено до автоматизма. «Упаковка является не менее важной частью подарка, чем само белье, – говорила она, заставляя меня проделывать все манипуляции снова и снова, бракуя каждый недочет, не соответствующий ее высоким стандартам. – От того, как подать вещь клиенту, будет зависеть то, как он ее воспримет». Может и так, но мне кажется, весь этот изощренный, доведенный

до совершенства процесс упаковки отражал в целом отношение Франчески к тому, что она продавала. Это не просто белье, говорила она, это предметы из мира красоты, которым не занимать самодостаточности; изысканные, как настоящее бальное платье, продуманные, как изделия *haute couture*. Согласно, этот тщательно исполняемый ритуал заворачивания и разворачивания подарка подспудно выражал ее идею женственности: церемониальность, элегантность, постепенное разоблачение, в эротическом смысле этого слова, где каждый последующий слой лишь тоньше и искуснее предыдущего. Чем же были все эти предметы нижнего белья, если не своего рода покровом, внешним слоем, способным преобразить то, что скрывалось под ним? Для чего служила гофрированная бумага и подарочные коробки, как не для того, чтобы скрывать дамское белье, которое продавала Франческа, быть оберткой для покровов, прикрывавших плоть?

Но не этим была занята моя голова в то время. Эти мысли пришли ко мне позже – много позже, когда, думая о том лете, я смогла отбросить все поздние наслоения вокруг тех поразительных событий и увидеть их без прикрас и иллюзий.

* * *

Мне было семнадцать, когда Франческа и Стефано появились в Монфорте – приехали они, надо сказать, довольно неожиданно; было ощущение, что ничего не было – и вдруг через день они уже открывают здесь свой бизнес.

Обосновались они в давно пустовавшей энотеке Бруно Кавелли, небольшой, размером с чулан, винной лавочке. Над ней располагалась небольшая квартирка, такая маленькая, что никому на протяжении многих лет и в голову не приходило ее сдавать.

Честно говоря, меня не сильно заинтересовала новость о том, что в нашем городке открылся магазин нижнего белья. Модели, выставленные той осенью в малюсенькой витрине, были совсем не похожи на то, что нравилось мне; даже отдаленно. Обычно я покупала белье в универмагах Альбы или Турина; оно было кремового или телесного цвета, я предпочитала неяркие, пастельные оттенки. Франческа же предлагала роскошные, изысканные, даже немного вычурные модели; замысловатые комплекты, украшенные бантиками и вышивкой. Некоторые из них были декорированы цветами из кружева или мелким жемчугом. Они словно появились из другого мира, не имевшего ко мне никакого отношения.

Одеяния – уже много лет спустя я понимаю, что вновь теряюсь и употребляю слова, которые использовала Франческа. Я не помню, чтобы она произносила “дамское белье”, и уж тем более “нижнее белье”. Она также избегала слов, описывающих разные фасоны: бюстье, корсет, пеньюар и так далее. А если говорить о бюстгальтерах-бра, моделях с полочашечками, бюстгальтерах со смелым вырезом, вариантах без косточек, «балкончике», – то их она использовала с чисто утилитарной целью, чтобы просто отличить одну модель от другой.

Каждый предмет всегда были одеянием, иногда моделью. Франческа проходила обучение, как мне позже рассказывал Стефано, в престижной школе мод в Париже – и именно так ее приучили выражаться о подобных вещах.

Почему же эти двое выбрали Монфорте? Это стало настоящей загадкой.

Магазинов в нашем городке было немного, меньше дюжины, и это включая цветочную лавку и лавки зеленщика и мясника, в которых торговали прямо на крошечной *piazza*. Если же вам требовалась стиральная машина или телефон, стоило сообщить об этом Филиппо Стауру, электрику, и он привозил все необходимое в своем фургоне. Если же кто-то хотел купить автомобиль, ему предстоял путь в один из дилерских салонов по направлению к Альбе; а за десертами и выпечкой надо было ехать в известную кондитерскую в Бароло. В голове не укладывалось, как городок, который не имел своей собственной *pasticciere*, мог позволить себе магазин нижнего белья, пусть даже самый крошечный.

«Да они прогорят к Рождеству», – уверяло большинство.

Бабушка Роза, державшая аптеку, в которой работала моя мама, была одной из тех, кто громче всех выражал свой скептицизм. «Надеюсь, Бруно хотя бы получил деньги за аренду помещения вперед, – сказала она, недовольно хмыкнув. – Не похоже, что эти двое задержатся в наших краях, если дело у них не заладится».

– Что вы имеете в виду? – спросила я.

– Ну как же, они приехали сюда явно не по собственному желанию, – ответила бабушка Роза уклончиво. – Возможно, разорились. А может, и пережили что похуже. Я даже не уверена в том, что они женаты.

А вот это походило на правду. Когда в тот день по дороге домой я проезжала на велосипеде мимо крошечного магазина, я увидела, что рядом с дверным звонком появилась карточка, гласившая *Francesca Gavuzzo & Stefano Morelli*. Ничего необычного в этом не было – ведь, как правило, женщины в Италии не берут фамилию мужа, хотя в городках, подобных нашему, было бы естественнее подписать к фамилии слово «синьора», чтобы было понятно, что женщина замужем. Но что действительно вызвало мое любопытство, так это то, что первой значилась ее фамилия.

Я слезла с велосипеда, намереваясь прочесть карточку. И в тот момент, когда я ее разглядывала, я поняла, что за мной кто-то наблюдает. Элегантная женщина по ту сторону стекла, одетая в довольно строгий кардиган красного цвета, спокойно смотрела прямо на меня.

Позади нее появился мужчина. Они были приблизительно одного возраста, (думаю, обоим около тридцати), – но что-то в том, как он двигался, его учтивые, почти по-женски плавные движения, убеждают меня, что именно она в этой паре главная.

Мне стало неловко от того, что меня поймали с поличным, и я вежливо кивнула обоим. Женщина кивнула в ответ. Мужчина, настроенный более решительно, в знак приветствия поднял руку.

* * *

– Гавуццо – это она, – сообщила я маме и бабушке Розе, когда аптека открылась после обеда.

– Такие фамилия, кажется, характерны для Пьемонта, не так ли? Возможно, она родом из наших краев.

– Возможно, – подхватила бабушка Роза. – Или, может, она хочет, чтобы мы так думали.

– Но зачем ей это нужно?

– Уж если человеку захотелось взять псевдоним, лучше выбрать какое-то распространенное имя, тебе не кажется? Чтобы мы думали, что она местная, не имея никакой возможности проверить, так ли это на самом деле. Она, определенно, не состоит в родстве ни с Элеонорой Гавуццо, ни с какими иными известными мне представителями этого рода.

– Да, но для чего ей все-таки скрывать свое настоящее имя?

Бабушка Роза театрально передернула плечами. Мы с мамой обменялись взглядами. О любви бабушки Розы к сплетням ходили легенды, а если судачить было не о чем, она обходилась малым, создавая из имевшихся у нее крупиц нечто удобоваримое, подобно изобретательной хозяйке, каковой и являлась. Поэтому в тот момент мы не придали большого значения ее теории.

– К Рождеству их и след простынет, вот увидите, – повторила она.

* * *

Но они остались. Вернувшись в Монфорте после первого семестра в университете, я обнаружила магазинчик Gavuzzo & Morelli на прежнем месте. Более того, мне даже показалось, что дела у них идут в гору. Узкие полки, на которых когда-то стояли бутылки с вином, а теперь были разложены бюстгальтеры, комбинации и трусики, подсвечивали вполне современные – для того времени так уж точно – миниатюрные галогеновые лампочки. Яркий свет отражался от перламутра и стекла, украшавших наиболее изысканные модели, из-за чего они искрились, точно снег на солнце. Витрина теперь тоже вызывала больше доверия: сладострастные бюстье, утопающие в кружевах муслиновые пеньюары и прелестнейшие бюстгальтеры, расшитые цветами, были подвешены к потолку на нитях – благодаря этому создавалось ощущение, будто они парят в воздухе на разной высоте.

Все вместе вызывало ассоциации с экстравагантными украшениями на рождественской елке или сонмом невидимых ангелов в шелковых покрывалах.

В тот момент, однако, магазин интересовал меня даже меньше, чем перед отъездом. Мое мировоззрение сильно изменилось. Дело в том, что в начале семидесятых студенты итальянских колледжей не могли решить, брать ли моду с американских детей-цветов или с немецких анархистов, поэтому представляли собой нечто среднее между этими крайностями. И я не была исключением. Оказавшись на первом курсе, я выкурила свой первый косяк и поучаствовала в своей первой сидячей забастовке. У меня случались отношения с парнями, которых можно было считать почти – но не до конца – моими любовниками. Я не спала ни с одним из них, так как на тот момент была не в состоянии примирить мучительную идею о сексуальной свободе с практической стороной отношений.

Иными словами, я страшно боялась, что в тот самый момент, когда я уступлю желаниям кавалера, он потеряет ко мне всякий интерес, – очень даже вероятный исход событий, о котором, однако, не было ни слова в книгах радикальных феминисток, которые я всюду демонстративно таскала с собой. Я была уверена, что это всего лишь вопрос времени. Я тогда вступила в Коммунистическое общество и протестовала против войны во Вьетнаме, танцуя вокруг горящего американского флага. Я побывала на концерте The Grateful Dead и на чтениях, устроенных поэтом-битником в Венеции. Свои новые настроения я выражала тем, что носила куртку цвета хаки, на лацканах которой красовались нашивки с листьями марихуаны и «пацифик», а на голове – черную фетровую шляпу, заливчато обмотанную шейным платком одного из моих приятелей. В душе я считала себя кем-то средним между Эдит Пиаф, Бобом Диланом и Ульрикой Майнхоф, лидером Фракции Красной Армии¹.

Всякий раз, проходя мимо магазина нижнего белья по дороге в центр или из центра Монфорте, я видела снующих туда-сюда покупателей. Как правило, это были мужчины, покупающие подарки для своих жен или подруг. Некоторые проскальзывали в магазин, стараясь быть незамеченными; другие заходили, уверенно насвистывая, словно желая подчеркнуть, что для них такие покупки дело привычное. Я также заметила, что, выходя из магазина, они выглядели довольными, радостными и слегка возбужденными, будто купили подарок скорее самому себе; что, в некотором роде, было правдой.

Лично я с трудом могла себе представить, что состою в отношениях с мужчиной, который дарит мне белье; мои университетские друзья сочли бы такой поступок неприемлемым, буржуазным. Надо сказать, что среди покупателей были и женщины, и они вызывали у меня даже большее любопытство. Они выходили из магазина с выражением необычайного доволь-

¹ Фракция Красной Армии (RAF) – немецкая леворадикальная террористическая организация, действовавшая в ФРГ и Западном Берлине в 1968–1998 годах.

ства на лице, как если бы шли с сеанса массажа или с любовного свидания. Я видела, что, если мужчины шли, непринужденно размахивая модными белыми пакетами с логотипом *Gavuzzo & Morelli*, то женщины, как правило, вешали их на локоть, чтобы держать поближе к себе, и пакеты мягко били их по бедру во время ходьбы.

Кое-что привлекло мое внимание в оформлении витрины. Владельцы магазина не только меняли ее вид приблизительно раз в неделю, – казалось, каждая такая экспозиция была посвящена какой-то своей теме. Например, у нас в городе жила девушка по имени Антония Фабби. Я ее немного знала: в скором времени она собиралась замуж за молодого винодела Беппе Фучиллу.

Все – я имею в виду бабушку Розу и компанию – говорили, что ей страшно повезло заполучить в женихи такого парня и что ей бы лучше держать ухо в остро, ведь помимо того, что Беппе Фучилла был очень привлекателен, он происходил из богатой семьи, состояние которой превышало состояние семьи невесты, а это во все времена служило поводом для досужих разговоров и домыслов.

И вот однажды, вскоре после Рождества, в витрине магазина *Gavuzzo & Morelli* появились белые подвязки, выложенные на облаке белого муслина. В центре всей экспозиции лежали красные кружевные дамские панталоны.

Это была явная провокация. И дело не только в том, как эти панталоны были разложены – весьма буднично, будто их сбросили и забыли убрать, – все дело было в кусочках фиолетовой, бирюзовой и белой папиросной бумаги, разбросанных по всей витрине и напоминавших конфетти. Несмотря на отсутствие явных намеков, композиция совершенно однозначно указывала на *первую брачную ночь*, да так откровенно, как будто сопровождалась соответствующей подписью.

Декорация оставалась в витрине три дня. Город затаил дыхание в ожидании – а может, это волновало только меня одну: я заметила, что стала чаще проходить мимо магазина, желая посмотреть, не появилось ли чего-нибудь новенького. И вот на четвертый день я увидела, как Антония выходит из магазина с двумя коричневыми пакетами *Gavuzzo & Morelli* в руках. Увидев меня, она улыбнулась – улыбкой едва заметной, но вместе с тем, без сомнения, победоносной, – и удалилась.

После того случая я стала обращать на витрину пристальное внимание. Однажды я увидела внушительных размеров бюстье персикового цвета, вокруг которого были разложены серебряные вилки. Эта композиция была явно рассчитана на пухленькую сеньору, державшую ресторан в верхней части города и частенько потчевавшую мужчин граппой от заведения; многие с ней флиртовали, но до настоящего ухаживания дело не доходило. Красный шелковый бюстгальтер с глубоким вырезом и красные, в тон, панталоны, обсыпанные стружкой, как будто их оставили на верстаке, явно предназначались для жены плотника. Всем и каждому в нашем городе было известно, что он проходу не давал девушкам с тех самых пор, как его жена подарила жизнь их первенцу. Кремовая шифоновая ночная сорочка была явно выставлена для весьма зрелой покупательницы, скажем, для синьоры Пассарелло, овдовевшей в прошлом году под Пасху, но, очевидно, еще не слишком старой, чтобы судьба могла подарить ей шанс... И конечно, было интересно узнать, что за женщина выходит из магазина в данный момент, с дерзкой улыбкой на губах и с белым пакетом в руках. Я поразилась, как Франческа и Стефано, будучи приезжими, сумели так быстро и так хорошо разобраться в том, кто есть кто в нашем городке.

* * *

Вскоре после Рождества оформление витрины снова поменялось. На этот раз оно было выдержано в театральной теме: стопка старых книг – древних академических фолиантов с

книжного развала, с замятыми, желтеющими страницами; иссиня-фиолетовый гранат, надломленный так, что было видно его алое нутро с семенами-«алмазами», напоминавшими какой-то психоделический узор. Тут и там были разбросаны значки с надписями, а поверху книг лежали три пары дамских панталон и три бюстгальтера в тон.

Они сильно отличались от того, что предлагал магазин прежде. Хлопковые вещицы в мелкий горошек и в цветочек отличались безыскусной простотой. Выглядели они мило, совсем по-девичьи. Я даже представила на минутку, что и сама могла бы их носить. И вдруг меня пронзила шокирующая мысль: ведь эта экспозиция для меня и предназначена.

В бешенстве я ринулась прочь. Да им какое дело?! Зачем выставлять мои панталоны на всеобщее обозрение? Естественно, это были не мои панталоны, так как я их себе не покупала, и даже не собиралась этого делать, особенно в создавшейся ситуации, но они могли бы быть моими, и поэтому я страшно злилась на владельцев магазина, на этих Gavuzzo и Morelli, которых я даже не знала лично.

На следующий день мой путь снова лежал мимо магазина. К тому времени я уже успокоилась, решив, что накануне у меня просто разыгралось воображение, и это было чистой воды совпадение, что на витрине выложили белье в моем стиле именно тогда, когда я задумалась о приобретении чего-то новенького.

Я снова бросила взгляд на витрину... И тут же засомневалась, права ли я была в своем гневе. Ведь ничего страшного, если я просто узнаю, сколько стоит такая модель. Я уже было взялась за ручку двери – но вдруг увидела, что внутри посетитель, мужчина средних лет. Он держал кружевные трусики-стринги прямо перед глазами и, казалось, внимательно изучал, пропуская их, будто веревочку, сквозь пальцы, словно играя с кошкой. Франческа стояла рядом и терпеливо ждала, пока он сделает выбор. Тут она подняла глаза и увидела меня, мнущуюся снаружи, и как мне показалось, едва заметно мне кивнула; а может, даже улыбнулась.

Я быстро отвернулась.

На следующий день мне случилось проходить мимо в середине дня. На улицах никого не было видно – в те времена все обычно возвращались обедать домой, и сиеста длилась до трех, а то и до четырех часов. Но магазинчик был открыт. На этот раз я не стала медлить, открыла дверь и решительно вошла.

Франческа сидела возле прилавка и читала газету. Она подняла на меня глаза и улыбнулась.

– *Buongiorno* – произнесла она без удивления.

– *Buongiorno*, – эхом отозвалась я.

Я огляделась. Снаружи казалось, что магазин просто утопает в кружеве и атласе, но, оказавшись внутри, я поняла, что ассортимент не так уж богат. Здесь не было ни крючков, ни вешалок с моделями, которые можно было бы бесконечно крутить в руках и рассматривать, – только четыре-пять винных полок в виде пчелиных сот, на каждой из которых располагалось по два-три комплекта белья. Все они были аккуратно сложены и красиво подсвечены миниатюрными яркими лампами. Мне даже пришла в голову неловкая мысль, что, если я не попрошу показать мне модели в витрине, то исчерпаю ассортимент магазина за пять минут.

Казалось, Франческа поняла природу моей нерешительности. *Momento*, – сказала она, исчезнув в подсобном помещении. А через мгновение вернулась с тремя кипенно-белыми коробками в руках. Положив их на прилавок, она открыла верхнюю и приподняла так, чтобы мне было видно то, что лежало внутри: красивые хлопковые панталоны и подходящий по цвету бюстгальтер – такие же, как в витрине.

Франческа воззрилась на меня в ожидании реакции.

– Они очень красивые, – произнесла я, раз уж от меня ждали комментария. – Это мой размер? Я ношу 95С.

– Понимаю, почему вы так решили, – ответила Франческа. – Но на самом деле ваш размер 90В. – Она указала мне на небольшую нишу в магазине. Она была отгорожена шторкой и могла быть использована как примерочная. – Если хотите, можете взглянуть, – с этими словами она вернулась к своей газете, словно совершенно не интересуясь моими действиями.

Я пошла и примерила один из бюстгалтеров. В кабинке висело красивое позолоченное резное зеркало, стоявшее на полу и закрывавшее собой полностью одну из стен в этом крошечном пространстве. Магазин был настолько мал, что я могла уловить шелест переворачиваемых Франческой страниц.

Как я и ожидала, бюстгалтер оказался не того размера. «Слишком маленький», – крикнула я.

Шторка тут же отодвинулась – Франческа окинула меня критическим взглядом:

– Нет, не маленький. Просто вы привыкли носить размер, который вам велик. – Она потянула за ляпочку, чтобы посмотреть, сколько еще оставалось места. – Видите, какая образуется округлость?

Глядя на себя в зеркало, я и правда увидела, что, хотя бюстгалтер и доставлял мне с непривычки некоторый дискомфорт, будучи затянутой сильнее, моя грудь выглядела полнее, и эта полнота придавала моему силуэту большую соблазнительность.

– Носите с ним обтягивающий пуловер, – порекомендовала Франческа. – И забудьте о тех мешковатых свитерах, в которых обычно красуетесь, парни вам проходу давать не будут. – Она многозначительно подняла идеально выщипанную бровь. – Если вы конечно готовы к тому, чтобы они не давали вам проходу.

Не зная, что на это ответить, я пожала плечами.

– Шесть тысяч лир, – сказала Франческа решительно, хотя я даже не спрашивала о цене. – Это за бюст. А панталоны – четыре тысячи.

Десять тысяч лир! Да я никогда в жизни столько не тратила на одежду, не говоря уже о белье, которое никто, кроме меня, никогда и не увидит.

Франческа вздохнула.

– Посмотрите сами, – сказала она, поворачивая меня за плечи к зеркалу. Какое-то время мы обе смотрели на мое отражение. Вы красавица, – добавила она. – Хотя думаю, вы и сами это знаете.

Никто и никогда не говорил мне, что я красива, – точнее, ни одна женщина; а что говорили мужчины, было не в счет. Я покачала головой.

– Извините, – сказала я с тоской в голосе. – Но это слишком дорого.

– Значит, вам придется вернуться, когда сможете себе позволить эту вещь, – ответила она и склонилась над своей газетой. Не могу сказать точно, обиделась она или просто потеряла к происходящему интерес, поняв, что я не собираюсь тратить деньги. Я опустила шторку и растегнула бюстгалтер. Освободившись от всех этих стягивающих застёжек, я почувствовала себя гораздо комфортнее. И мне сразу стало очевидно, что обретенный силуэт исчез, что я упустила мимолетное обещание, подаренное мне моим новым внешним видом, снова утратив женственность форм. А еще я поняла, что каким-то загадочным образом я провалила тест: отказавшись покупать белье по грабительской цене, предложенной Франческой, я ее разочаровала.

Когда я убирала белье на место, она заметила тоном, не терпящим возражений:

– Возможно, вы думаете: какая досада, что девушки вообще должны носить бюстгалтеры! Но если уж их носить, то выглядеть надо на все сто.

На замечания такого рода просто невозможно придумать достойный ответ.

* * *

Когда я в следующий раз проходила мимо магазина, оформление витрины снова изменилось. Антикварные книги исчезли, и теперь на их месте лежали старинные часы, а центральное место занимала изысканная черная шелковая баска, почти готическая в своей экстравагантности. Мне подумалось, что эта композиция предназначалась даме намного старше меня, если только не являла собой ироничный постскриптум к моему неудачному визиту в *Gavuzzo & Morelli*.

Глава вторая

После этой истории я снова уехала в университет и совершенно перестала думать о Монфорте, захваченная вихрем студенческой жизни и учебы. И только когда я вернулась домой на пасхальные каникулы, я вспомнила про постоянно меняющееся оформление витрины и при случае постаралась взглянуть на нее.

То, что я увидела, вызвало у меня настоящий шок. Густой черной, как деготь, краской кто-то написал гигантскими, во всю высоту стекла буквами: *Questore troppo!* – ДОВОЛЬНО!

Я перешла дорогу, чтобы посмотреть поближе, что могло спровоцировать такую реакцию. В витрине был выставлен женский торс без рук – классическая статуя, только выполненная из плексигласа. Всего лишь образ, не больше, чем намек, – но, видимо, слишком явный намек на чувственное, плотское.

На шею фигуры Франческа повесила ожерелье, словно сплетенное из цветов вишни. Что до белья, которое демонстрировала пластиковая Венера, то это был даже не традиционный комплект белья, это был яркожелтый бикини, с плавками, небрежно завязанными на бедрах. Композицию завершали куриные яйца, расписанные в причудливой манере и покрытые позолотой, как яйца Фаберже.

Темой экспозиции была, очевидно, Пасха, но языческая, триумф плодородия, солнца и секса. Эффект получился мощным, – учитывая тот факт, что маленькие городки типа Монфорте в те времена отличались пуританскими традициями. Но все равно меня поразило, насколько бурной была реакция; по мне, так витрина выглядела не намного более вызывающей, чем картинки в журналах вроде *Oggi* или *Vogue*.

Я увидела, как Франческа вышла из магазина с тряпкой, смоченной керосином и, не говоря ни слова, начала остервенело оттирать стекло, оставляя на нем черные разводы.

– Как же глупы люди, – неловко произнесла я. – Наверное, соседские мальчишки нашалили.

– Это сделали не дети, – процедила она. Я не нашлась, что на это ответить.

* * *

Как выяснилось, подобные выходки имели место и раньше.

Мама подтвердила, что витрину расписывали гадостями уже не в первый раз. На следующий день все повторилось.

Battona! – написал кто-то на стекле той же самой черной краской. «Шлюха!» Оставалось только надеяться, что это относилось к пластиковой Венере, которая была одета в низко сидящий бикини с завязочками, а не к самой Франческе, – но утверждать я бы не взялась.

Когда я в следующий раз проходила мимо, Франческа снова оттирала стекло. Я стояла на противоположной стороне дороги, но даже оттуда мне было видно, как она следила за мной в отражении. Мне бы не хотелось, чтобы она думала, будто все тут настроены против нее, поэтому я крикнула: *Buongiorno!*

Даже не поворачиваясь в мою сторону, она подняла руку в знак приветствия.

В течение последующих нескольких дней все было тихо. Только сейчас я понимаю, что тогда я ждала какого-нибудь развития событий – например, что Франческа ответит своим обвинителям, выбрав в качестве площадки для возможного диалога свою витрину. Однако она хранила молчание. Оформление витрины оставалось прежним: яйца, цветочное ожерелье. Един-

ственное, что изменилось, это спустя три или четыре дня в углу витрины появилась неброская белая табличка, гласившая: «Требуется ассистент».

* * *

– У вас есть опыт работы?

– Я работала кассиром в аптеке. И обслуживала клиентов. – Конечно, никакого опыта работы в магазине женского белья у меня не было, хотела сказать я, – просто потому, что в нашем городке не было такого магазина.

– Что ж, неплохо, – ответила Франческа. – По-моему, наличие опыта всегда переоценивают. Итак, вы могли бы приступить к работе уже сегодня, во второй половине дня?

– Думаю, да.

– Тогда приходите около трех. – Только я развернулась и направилась к двери, как она добавила: – Кстати, для персонала предусмотрена скидка. Пятьдесят процентов. Так что теперь вы сможете позволить себе те панталоны. Купите с первой же зарплаты».

Полагаю, говорила она не всерьез, но я не была вполне уверена.

* * *

Мама хорошо отреагировала на новость о работе, ей нравилась мысль, что в семье появится еще один источник дохода. Гораздо больше я переживала из-за реакции бабушки. Но, к моему удивлению, ее это нисколько не расстроило. И только когда она стала забрасывать меня ценными указаниями – «Теперь сможешь узнать, действительно ли они женаты. И кто покупает все эти вещи. И вообще, я не очень понимаю, откуда у них деньги, не говоря уже о том, как они могут позволить себе помощницу», – я поняла, она и мысли не допускала о том, что в данной ситуации я являюсь перебежчиком: скорее полагала, что Франческа допустила тактическую ошибку, впустив одного из своих недругов, местного жителя, в свой лагерь.

* * *

Вообще-то, я уверена, что, предлагая мне работу, Франческа действовала с некоторым расчетом. Позже у меня даже закрались подозрения, что, если оформление витрины зачастую предназначалось какому-то конкретному человеку, то и ту карточку разместили в окне специально для меня, а потом быстро убрали, стоило мне ее заметить.

Когда в тот день я вернулась в магазин в условленное время, Франческа мне все показала, и я наконец разрешила загадку, откуда на все это взялись деньги. В мастерской наверху, выходящей окнами на север, за швейной машинкой сидел Стефано: спустив очки на самый кончик носа, он вышивал малюсенькой иголкой изящнейший бюстгальтер. Франческа объяснила, что он претворял в жизнь один из ее эскизов. Она показала мне их – такие красивые, с летящими формами, на удивление импрессионистские.

Это создаваемое вручную белье, сказала она, продавалось в домах Высокой моды Милана или же отшивалось на заказ для индивидуальных клиентов. Каждая модель стоила куда больше, чем иное незамысловатое платье; и даже мне было понятно, что это было не повседневное белье.

Франческа показала мне свою последнюю модель, нечто совершенно изумительное: две шелковые чашечки, украшенные кружевом из крошечных цветов и мелким жемчугом; строчки были сделаны так искусно, что их почти не было заметно. Я взяла бюстгальтер в руки, кончиками пальцев ощущая, насколько безупречно выполнена работа.

– Скажите, почему вы открыли ваш магазин здесь? Почему в Монфорте? – задала я глупый вопрос.

Стефано по-доброму рассмеялся, даже не подняв головы.

– Мы могли бы доставлять наш товар по почте из любой точки земного шара, – ответила Франческа. – Но так мы ближе к Милану, нам проще устраивать встречи. Раньше наш магазин находился в Неаполе, но... – она пожала плечами.

– На юге плохо, – подхватил Стефано. – Слишком жарко и слишком грязно. Там никто не утруждает себя вообще носить белье. – На миг я решила, что он говорит серьезно, но потом он хитро улыбнулся: – Семья Франчески из этих краев, да и мне не хотелось оставаться в Неаполе. Здесь более цивилизованная жизнь.

Прекрасно понимая, что все это и так не моего ума дело, я не решилась спросить, женаты ли они, но мне казалось, что это так. Если закрыть глаза на некоторую изнеженность Стефано, эта вкрадчивая, дразнящая близость не могла быть ничем иным, как любовью.

* * *

Так и началось мое обучение в Gavuzzo & Morelli, самой маленькой империи нижнего белья в Пьемонте. Работа была несложной: покупатели приходили очень редко, во всяком случае, если сравнивать с аптекой; там потоку старичков, потерявших кусачки для ногтей, или молодых мамочек, пришедших за укропной водой для малышей не было конца. Для Франчески же и Стефано торговля была лишь частью основного дела; так как они усердно работали над созданием моделей по собственным эскизам для показа в Милане, в мои обязанности входило общение с клиентами, которые не требовали личного внимания мэтров. Однако это только в теории. На практике же, едва заслышав дверной звонок, Франческа тут же спускалась. А потом, бросив на клиента один-единственный взгляд и сделав выводы, она удалялась в подсобное помещение и возвращалась через минуту с нужной моделью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.